

27. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 2: Expansions of the «Old Testament» and Legends, Wisdom and Philosophical Literature, Prayers, Psalms, and Odes, Fragments of Lost Judeo-Hellenistic Works. – New-York : Doubleday and Company, inc., 1985. – 1056 p.

28. Volz, P. Die Eschatologie der jüdischen Gemeinde im neutestamentlichen Zeitalter / P. Volz. – Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1934. – 458 s.

29. Vos, G. The Pauline Eschatology / G. Vos. – Grand Rapids : Wm. Eerdmans Publishing, 1961. – 384 p.

30. Wilkinson, S.M. Paul and his relationship to the apocalyptic tradition. An assessment of a neglected dimension: his revelatory experiences: Ph.D. thesis / Fuller

КОНЦЕПЦИЯ ГРЕХА И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРЕХА В СТАТЬЕ РУДОЛЬФА БУЛЬТМАНА «ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ВРЕМЕНАМИ СОГЛАСНО НОВОМУ ЗАВЕТУ»

Иерей Иоанн Кононович

(Жировичи, Минская духовная семинария)

[Foi et Compréhension, Editions du Seuil, Paris, 1969, pp.52–73]

В числе значимых протестантских богословов двадцатого века Рудольф Бультман занимает одно из центральных мест. Это известный библиист, который родился 20 августа 1884 г. в Германии, он был наследником историко-критической экзегетической школы и одним из отцов современного протестантского библейского богословия.

Его исследования в области литературной критики позволили ему создать «демифологизированное» видение Священного Писания. Будучи сыном лютеранского пастора, специалистом по посланиям апостола Павла, которым Бультман посвятил свою диссертацию, он находился в самом сердце интеллектуально-богословского дискурса своей эпохи, но также и «камнем преткновения».

Рассмотрение этой темы выделим три задачи: в первой мы попытаемся раскрыть понятие греха, которое дает автор, во второй рассмотрим его понимание освобождения от греха и в третьей постараемся выразить их преломление в общей тематике статьи.

Первый этап нашего исследования состоит в изучении концепции греха Бультмана в свете основной темы его богословия – демифологизации.

Концепция демифологизации не является уникальной для Бультмана, хотя он и придает ей экстраординарное значение, в своей статье «Новый Завет и мифология», опубликованной в 1941 г. Применительно к Священному Писанию, эта форма анализа, основанная на экзистенциальной интерпретации, острием которой является не кто иной, как друг Бультмана, Хайдеггер, имеет тенденцию избавляться от мифологического словаря, который апостолы заимствуют в контексте своей эпохи. Таким образом, священные тексты интерпретируются путем систематического исключения любого элемента, создающего препятствие для понимания современным человеком и подчеркивающего суть евангельского послания: его керигму.

В рассматриваемой статье автор дает следующее определение греха: Грех это желание жить по себе самому, своими собственными силами вместо того чтобы жить в радикальной преданности Богу, тому что Бог требует, подает и попускает [1, с. 53]. Грех таким образом является не просто нарушением или не исполнением закона. Но является частью человеческого существования каковой является своя воля. Согласно автору, наиболее ясно выразил существо греха апостол Иоанн грех это не только нарушение отдельной заповеди, понимаемое как моральная ошибка, но он является принципиальным состоянием природного человека, который не выдерживает жизни в неуверенности пред Богом, но который стремится к достижению уверенности в своем существовании либо посредством наивной – в заботах либо удовольствиях – в мире которым он располагает, либо посредством рационального поиска своего прославления перед Богом через формальное исполнение Закона [1, с. 54]. Рассматривая грех как такое глубокое состояние внутреннего человека, Бультман говорит, что этот грех является характерным признаком ветхого века. Но понятия ветхого и нового времени необходимо рассматривать не как космические явления или характеристики общечеловеческой истории, а рассматривать их как характеристики отношений человека и Бога, то есть помнить о том, что: прошлое это всегда мое прошлое, в котором я был грешником, а будущее, для которого я освобожден, это всегда мое будущее [1, с. 53].

Тогда действительно можно понять, что время для каждого человека, когда он жил без Бога, когда он полагал все свои надежды на себя, а не на Господа – ветхое время.

Лучше понять отношение греха к ветхому времени или к чему-то материальному мы можем, обратившись к другой работе автора: «Новый завет и мифология» в которой Бультман раскрывает понятие греха через объяснение употребляемого апостолом Павлом термина «плоть».

«Плоть – говорит Бультманн, – это не телесность и не чувственность, но сфера видимого, наличного, доступного распоряжению, измеримого, а поскольку видимого, то и преходящего. Эта сфера овладевает человеком тогда, когда тот полагает ее в основание своей жизни, живет “в соответствии с ней”, то есть поддается соблазну жить из видимого, доступного распоряжению, вместо того чтобы жить из невидимого и недоступного – всецело уповать на Бога и в Нем искать свою защиту и основу своей надежды» [2, с. 305]. Мы находим здесь мысль о том, что попытка обдуманно и расчетливо основывать свою жизнь на собственных достижениях, к которым относятся так же и «дела Закона» является греховной. Ведь «плоть» охватывает собой не только материальные вещи, но и всякое творчество, всякое дело, где важно достичь чего-то, что может быть предъявлено и продемонстрировано, – например, исполнение Закона (Галл. 3:3).

Апостол Павел видит, что человеческой жизнью движет «забота» (1 Кор. 7:32 и сл). Каждого человека его забота направляет к определенной цели. Природный человек заботится о том, чтобы обеспечить свою жизнь, и соразмерно своим возможностям и достижениям в видимом «надеется на плоть» (Флп. 3:3 и сл.). Именно эта надежда на плоть, которая не позволяет человеку полностью отдаться упованию на Бога и является причиной постоянного чувства страха, озабоченности, зависти.

Вот именно в этом смысле ветхое время является временем греха – когда человек полагается на свои силы, а не надеется на Господа. Эти мысли нам важны для того что бы понять смысл освобождения от греха.

В исследуемой статье автор дает следующее объяснение этому освобождению: благодать Бога освобождает от греха человека, который открывается ей в радикальном отвержении себя самого, иными словами в вере. В том что человек больше не полагается на себя, он освобождается от заботы, от страха смерти от всех условностей которые вытекают из человеческих оценок, – одним словом он освобождается от себя самого, того кто происходит из прошлого – он новая тварь во Христе (2 Кол. 5:17) [1, с. 56]. Здесь мы видим, что в освобождении есть несколько основных элементов первый это действующая благодать Бога, второй, это открытость человека на встречу этой благодати – то есть вера. В результате человек приняв, через веру, благодать от Бога освобождается от себя – освобождается от самодостаточности, освобождается от упования на «плоть», от упования на мир.

Для объяснения освобождения от упования на мир, Бултманн употребляет выражение *démondanisation* и в объяснение этому раскрывает мысль апостола Павла о том, что христианин может участвовать в событиях и в жизни мира,

но на определенной дистанции «как не» (1 Кор. 7:29–31) [1, с. 55]. И именно в этом заключается освобождение христианина от влияния мира.

Таким образом, мы видим, что для христианина новая жизнь начинается тогда когда он по вере во Христа, получает освобождение от власти мира. Но, как пишет Бултманн, парадокс освобождения заключается в том, что это освобождение не является качеством или состоянием: оно никогда не теряет своего характера дара, дара который никогда не может стать уверенным обладанием, но который как дар должен всегда быть получаем вновь. И это «всегда вновь» означает ни что иное, как постоянную открытость для Бога для всего что Бог требует, и что Он подает.

При всем этом Бултман указывает, что и то, что Бог требует, то есть Закон не потеряло своего значения, хотя по его словам, Закон умер во Христе, но остается святой волей Бога. В то же время от времени Христа *Désormais l'impératif est fondé dans l'indicatif!* (Отныне императив основывается на индикативе) [1, с. 56]. Значение этого выражения хорошо раскрывает притча о виноградной лозе, содержащаяся в евангелии от Иоанна. Как ветвь приносит плоды благодаря тому, что привита к стволу, так и христианин творит добрые дела, исполняет закон, лишь по вере находясь во Христе, а не наоборот.

Еще одно выражение парадокса спасения или освобождения от греха по мысли Бультамана, выражается в том, что это освобождение от греха через божественное прощение не является однократным актом совершенным однажды для всех, но это вся жизнь, основанная на прощении [1, с. 55]. Для апостола Иоанна прощение тесно связано со свободой от греха и с хождением «в свете». А прощение действительно только тогда, когда человек с открытым сердцем признает перед Богом свои грехи. Важным моментом является необходимость постоянного понимания глубины греха и его проникновения в природу человека. Если забыть об этой глубине, можно попасть в ошибку перфекционализма при котором человек стремится достичь состояния очищения от греха, что, по мнению Бултмана в своем принципе не отличается от иудейской морали Закона.

В этом мы можем видеть проявление общелютеранской традиции, которая выражается известной формулой «*simul justus et peccator*» и, хотя Бултманн не упоминает об этом аспекте лютеранства, но во всей логике его мыслей этот принцип четко просматривается. Как подтверждение этому Бултманн приводит исторический аргумент. Уже в первые века христианства после начала гонений, когда было большое количество отпавших, встал вопрос о том, как с ними поступать. Было принято реше-

ние, допускающее единократное покаяние для совершивших грех после крещения. Развитие в конечном итоге привело к установлению церковного института покаяния, в котором, без сомнения, совесть верующего нуждающаяся в раскаянии и прощении получала определенную поддержку, но в котором прощение понималось не как освобождение от власти греха, а как заглаживание ошибок [1, с. 56].

Рассматривая освобождение от греха, мы уже в некоторой степени затронули особенности, о которых поговорим в заключительной части. А именно о том, что жизнь человека проходит между двух времен.

На первый взгляд эта мысль весьма легко объяснима, если представить восприятие своего существования, как минимум ранней христианской общиной, в конце ветхого века и в начале или же непосредственно перед началом нового века. Раскрывая возможное понимание этого воззрения Бультманн, используя привычную для него методологию демифологизации, заключает, что понятие нового века не может быть раскрыто в представлении о космической катастрофе, ожидать которую можно, если придерживаться воззрений иудеев или гностиков.

Для христиан же понятие конца ветхого и начало нового времени сводится к изменению отношения между человеком и Богом – «прошлое прекращено, будущее открыто для того кто допускает Бога быть своим Богом» [1, с. 58]. К такому выводу, согласно автору, мы придем, если задумаемся над словами Христа и Его ближайших учеников, которые говорили о том что новый век наступит весьма скоро и более того уже наступил по многочисленным свидетельствам новозаветных авторов: Павел непосредственно свидетельствует совершенно ясной манере, что явление Христа означает конец старого века и начало нового: «Когда исполнилось время, Бог направил Своего Сына» (Гал. 4:4.) Евангелие от Иоанна выражает тоже самое в другой концепции: «Наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживут» (Ин. 5:25). «Суд же состоит в том что свет пришел в мир» (Ин. 3, 19). «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. 12, 31).

Таким образом, если мы принимаем что новый век начался со Христом, или же во времена Христа, то в чем же его проявление, ведь исторически и космически ничего не изменилось? Как тогда может апостол Павел говорить: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17)? Это становится более ясным если мы обратим внимание на утверждение автора о том что: благодаря Христу, ветхое время зла завершается и наступает новое время – время спасения [1, с. 54]. Таким

образом, ветхость века непосредственно связана со злом и даже более конкретно с грехом.

Между ветхим временем, как временем отмеченным грехом и смертью и новым временем – жизнью во Христе, свободой от греха и от мира. Мы можем сказать что этот дуализм начинается в крещении человека когда он умирает для греха и воскресает со Христом. Автор текста и в этом моменте предостерегает от ошибки понимать жизнь как воскресение со Христом человека умершего во грехе – в своем ветхом времени. Бультман утверждает, что диалектика апостола Павла, которая со временем была утеряна, заключалась именно в том, что христианин действительно жив в силу того что он умер для греха [1, с. 57]. И здесь вновь мы вспоминаем мысль о том, что человек постоянно умирает для греха и воскресает во Христе благодаря прощению по благодати Бога.

Можно сказать что человек постоянно находится между грехом, как своим ветхим временем и между свободой от греха – которая дарована ему Богом в вере и уповании на Которого человек находит свое спасение и новую жизнь.

Таким образом, можно сказать что человек, освободившийся от греха, освободился от влияния, от привязанности к этому миру, как к проявлению ветхого века и начал или, лучше сказать, постоянно начинает, через перманентно присутствующее прощение грехов как, проявление действия благодати Божией, жизнь в преданности Богу в уповании на Него. Основываясь на таких размышлениях мы можем заключить что вера, которая означает победу над миром (1 Ин. 5:4) означает и освобождение от греха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bultmann, R. *Foi et Compréhension* / R. Bultmann // «L'homme entre les temps selon le Nouveau Testament». – Paris : Editions du Seuil, 1969, pp.52–73.
2. Бультман, Р. *Новый Завет и мифология* / Р. Бультман // Социально-политическое измерение христианства. – Москва : Наука, 1994. – С. 302–333.